

складывавшейся в 1225—1266 гг.,¹²⁹ то для разрешения наших вопросов он ничего не дает. Кроме того, имелась сохранившаяся фрагментарно стихотворная чешская версия начала XIV в.¹³⁰ Существует, однако, памятник, обычно не упоминаемый историками славянских литератур, тем не менее свидетельствующий, что предание об Алексее Человеке Божием дало первые всходы на славянской почве задолго до появления южнославянского Златоустра и тмутороканской иконки. Лишь С. Вртель-Вершинский обратил должное внимание на проповедь о св. Алексее, сочиненную на чешской земле чехом Войтехом (св. Адалбертом), который в 989—992 гг. жил в римском монастыре святых Бонифатия и Алексея и принял там постриг.¹³¹ Возвратившись в Прагу с группой авентинских монахов, он основал вместе с герцогом Болеславом II в 993 г. бенедиктинский монастырь Бржевнов,¹³² тоже посвященный Бонифатию и Алексею. Войтех хорошо известен в древнерусской литературной традиции.¹³³ Он как епископ Праги создавал благоприятные условия для развития славянской культуры.¹³⁴ Его проповедь о св. Алексее¹³⁵ относится примерно к 995 г. и дошла до нас в единственной рукописи — гомилиарии 1022—1035 гг., написанном и хранящемся под шифром Ms. 109 в главном аббатстве бенедиктинского ордена в Монтекассино.¹³⁶ Текст Войтеха в первой части представляет собой переработку проповеди Беды Достопочтенного о локальном английском святом Бенедикте Бишопе (ум. в 689 г.), нередко использовавшейся в несколько измененном виде для дня св. Бенедикта Нурсийского.¹³⁷

Проповедь Войтеха остается вне поля зрения историков славянских литератур только потому, что она написана на латинском языке. Для наших целей последнее обстоятельство никакого значения не имеет. Именно это сочинение и постройку бржевновского монастыря под патронием св. Алексея, т. е. 993—995 гг., следует считать начальным моментом предания об Алексее Человеке Божием в славянской рецензии византийской культуры (термин Д. С. Лихачева).

По известной догме, в наглухо закупоренную древнюю Русь имелся только один путь, и притом тот самый, который был предназначен для снабжения ее византийским православием в его безукоризненной чистоте, с дополнительной возможностью посредничества болгар в переводах

¹²⁹ См.: T. de Wyzewa. Le bienheureux Jacques de Voragine. La Légende dorée, t. 2, Introduction, notes et index. Paris, 1960.

¹³⁰ См.: F. Repp. Die alttschechische Alexiuslegende. Zeitschrift für slavische Philologie, 23. Bd. Heidelberg, 1955, стр. 284—315; ср.: H.-F. Rosenfeld. Eine mittelhochdeutsche Alexiuslegende. Festschrift Walter Baetke. Weimar, 1966, стр. 284—297.

¹³¹ См.: S. Vrtel-Wierczyński. Staropolska legenda o św. Aleksym. Poznań, 1937.

¹³² L. Cottineau. Répertoire topo-bibliographique des abbayes et prieurés, t. 1. Масон, 1939, табл. 498. Монастырь разрушен гуситами в 1420 г. и восстановлен лишь в 1674 г., источников по его ранней истории нет.

¹³³ См.: А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. I. Прага, 1935, стр. 142—151.

¹³⁴ См.: О. Кралик. Возникновение I старославянского Жития Вячеслава. — Byzantinoslavica, t. 27, Praha, 1966, стр. 161—163.

¹³⁵ См.: H. Voigt. Adalbert von Prag. Berlin, 1898, стр. 358—365; E. Dvořák. Sv. Vojtěch, II biskup pražský. Chicago, 1950.

¹³⁶ Bibliotheca Casinensis seu codicum manuscriptorum qui in tabulario Casinensi asservantur series. Cura et studio monachorum ordinis S. Benedicti, t. 2. Monte Cassino, 1875, стр. 481—485; ср. E. A. Loew. The Beneventan Script. A History of the South Italian Minuscule. Oxford, 1914, стр. 344.

¹³⁷ Bedae Venarabilis opera, pars III/IV. — Corpus Christianorum, Series Latina, t. 122, Turnhout, 1955, стр. 88—94, Homelia I, 13.